

ЕКАТЕРИНА II и И. И. БЕЦКОЙ (1762–1763 гг.)

Принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, будущая российская императрица Екатерина II, познакомилась с И. И. Бецким, камергером двора наследника престола Петра Федоровича, сразу после приезда в Петербург в феврале 1744 г. Тогда ей не исполнилось еще и 15 лет, но, по словам прусского короля Фридриха II, юная принцесса, «при всей живости ума и веселонравии, которые свойственны ее возрасту», была «одарена отличными качествами ума и сердца»¹. Получившая после принятия православия в июне того же года имя Екатерины Алексеевны, невеста наследника престола не могла не обратить внимания на образованного придворного. Со временем И. И. Бецкой стал ее «старым знакомым», но в 1747 г. в результате интриг матери Екатерины усилиями канцлера А. П. Бестужева-Рюмина он был уволен от двора наследника с повышением в чине «по прошению за умножившимися болезнями и слабостью здоровья». Возможно, на «все остальное царствование Елизаветы, с 1747 по 1762 г.», И. И. Бецкой покинул Россию и не мог общаться с великой княгиней. Однако известно, что летом 1753 и в начале 1754 г. И. И. Бецкой вместе с семьей сестры находился в Москве. Вероятно, он был в Петербурге и в конце 1755 г., когда скончалась его любимая сестра. Наконец, в августе 1756 г., получив разрешение выехать «на год к теплым водам», И. И. Бецкой и Д. М. Голицын с женой, племянницей Ивана Ивановича, отправились за границу².

Перед отъездом супруги Голицыны и И. И. Бецкой навестили в Ораниенбауме великокняжескую чету. В своих «Записках» Екатерина вспоминала об этой встрече со своим будущим сотрудником: «Они ехали за границу для поправления здоровья, в чем особенно нуждался Бецкой, которому надо было рассеяться после тяжелого горя, тяготившего его со времени кончины принцессы Гессен-Гомбургской». Великая княгиня постаралась как можно лучше принять давних знакомых³.

После отъезда И. И. Бецкого за границу его отношения с великой княгиней прервались. Вступив на престол, Петр III в феврале 1762 г. приказал своему отставному камергеру немедленно возвратиться в Россию. Инициатива его возвращения явно принадлежала Петру Федоровичу. По расчетам биографа, И. И. Бецкой возвратился в Петербург не ранее конца апреля 1762 г. 24 мая 1762 г. император подписал указ о пожаловании И. И. Бецкому чина генерал-поручика «с полным по тому чину жалованьем и рационами» и о назначении его главным директором канцелярии от строений. Тем же указом Петр III распорядился дать И. И. Бецкому жалованную грамоту на мызу Нейгаузен в Лифляндии, ранее, вероятно, подаренную ему в пожизненное владение сестрой принцессой А. А. Гессен-Гомбургской.

Отношения И. И. Бецкого с императором складывались благоприятно. Историк П. М. Майков высказал вполне обоснованные сомнения в том, что И. И. Бецкой знал о готовившемся перевороте в пользу Екатерины. Он вернулся на родину после многолетнего отсутствия накануне драматических событий, а в Европе едва ли получал от своих корреспондентов сведения об обстановке в России. И. И. Бецкой не являлся активным сторонником императора, противостоящим приверженцам его жены, но 28 и 29 июня 1762 г., судя по записке Я. Штелина, находился в свите Петра III, в составе которой совершил переход на яхте и галере от Петергофа до Ораниенбаума⁴. Награды от Екатерины по итогам переворота он не получил.

Впрочем, некоторые иностранные источники, а вслед за ним и европейские историки упоминали о И. И. Бецком как об участнике событий или, по крайней мере, об одном из тех, кто желал предприятию успеха, однако биограф И. И. Бецкого П. М. Майков убедительно показывает, что эти сведения могут быть недостоверными. Версия П. М. Майкова нарушается только

одним отечественным источником, зато очень известным и популярным, — записками княгини Е. Р. Дашковой. Она вспоминала, что на четвертый день после восшествия Екатерины на престол И. И. Бецкой попросил у императрицы аудиенции. На ней присутствовала только княгиня. И. И. Бецкой бросился на колени перед императрицей и спросил ее, кем, по ее мнению, она была возведена на престол. «—Я обязана своим возвышением Богу и моим верным подданным. — В таком случае, мне нельзя больше носить этой ленты, воскликнул Бецкой, снимая с себя орден св. Александра Невского. Императрица остановила его и спросила, что с ним. — Я несчастный человек, — ответил он, — так как вы не знаете, что я подговорил гвардейцев [во французском оригинале выражение *les gardes*, которое П. М. Майков справедливо переводит как «часовые». — Т. Ф.] и раздавал им деньги. Мы подумали, и не без основания, что он сошел с ума. Императрица весьма ловко от него избавилась, сказав ему, что знает и ценит его заслуги и поручает ему надзор за ювелирами, которым была заказана новая большая бриллиантовая корона для коронации. Он встал на ноги в полном восторге и тотчас же оставил нас, очевидно, торопясь сообщить великую новость своим друзьям. Мы смеялись от всего сердца, и я искренне удивлялась искусной выдумке императрицы, избавившей нас от надоедливого безумца»⁵.

Этот эпизод использован во многих исторических сочинениях. В. А. Бильбасов, посвятивший обширное сочинения началу жизни и царствования Екатерины, обратил внимание на неточности в рассказе Е. Р. Дашковой. Приготовление короны, как он доказал, вовсе не было поручено И. И. Бецкому. Князь Н. Ю. Трубецкой обращался к нему, как к директору канцелярии от строений, с просьбами о присылке мастеров для подготовки к коронации, но в изготовлении короны он не принимал никакого участия⁶. По рассказу ювелира Позье, Екатерина поручила И. И. Бецкому проверить казенные драгоценности и поручить ювелиру разломать то, что «окажется не в современном вкусе» и использовать для новой короны: «Императрица приказала мне обо всем сговориться с Бецким, что было мне чрезвычайно приятно и дало мне возможность свалить на него мои заботы и неприятности, по которым я мог навлечь на себя дурные последствия со стороны лиц, имевших надзор за этими вещами»⁷. И так, И. И. Бецкой не руководил изготовлением короны, а принимал участие в этом деле как директор канцелярии от строений. Ему также доверили требовавшее честности и щепетильности принятие решений о переделке старых государственных драгоценностей.

Неполная достоверность информации Е. Р. Дашковой о том, что И. И. Бецкой руководил изготовлением новой короны, побудила П. М. Майкова с недоверием отнестись и к ее рассказу о беседе, происшедшей тогда между Екатериной и И. И. Бецким. Он напомнил, что Екатерина Романовна отличалась злым языком и не любила И. И. Бецкого. К тому же, она не вела дневников и писала мемуары по памяти в конце жизни. Правда, биограф И. И. Бецкого несколько противоречил сам себе, сообщив, что рассказ об аудиенции примерно в том же виде Е. Р. Дашкова говорил ранее передала Д. Дидро. Сам П. М. Майков предложил любопытную версию встречи императрицы с И. И. Бецким. По его мнению, из разговора, о котором вспомнила Е. Р. Дашкова, следует исключить фразу о подговоре и подкупе гвардейцев (или каких-то часовых). Не терпевший никакого насилия, И. И. Бецкой, до которого дошли различные слухи о внезапной кончине Петра III, решился откровенно объяснить о ее причинах с Екатериной. Императрица не могла дать ему определенного ответа, поэтому, поблагодарив за услуги, перевела разговор на изготовление короны⁸. Подобная трактовка встречи И. И. Бецкого с Екатериной является не более чем предположением его биографа. Ясно главное: активного участия в перевороте И. И. Бецкой не принимал и после воцарения новой государыни оказался в довольно щекотливом положении. Эту неловкость и отразили «Записки» Е. Р. Дашковой, независимо от того, насколько достоверно и точно передала мемуаристка беседу участников встречи.

Вероятно, И. И. Бецкой, как опытный придворный, оттягивал возвращение в Россию, чтобы издалека разобраться в новой ситуации. Вернувшись в Петербург незадолго до переворота, он вряд ли стал активным участником событий, чем и объясняется его двусмысленное положение при дворе в первые дни после воцарения Екатерины.

На протяжении первого года царствования Екатерины происходит постепенное сближение молодой императрицы с будущим сподвижником по вопросам воспитания и образования. Не сохранилось сведений о том, насколько неожиданным или, наоборот, ожидаемым, естественным, для каждой из сторон стало это сотрудничество. И. И. Бецкой и не получил наград, щедро раздаваемых по итогам переворота и позднее в честь коронации, но он все-таки пользовался определенным вниманием императрицы. В камер-фурьерских журналах нет упоминания о том, что он сопровождал Екатерину на коронацию в Москву, однако во время пребывания в древней столице 12 ноября 1762 г. она определила членами «комиссии о городе Петербурге» И. И. Бецкого вместе с графом З. Г. Чернышевым и князем М. И. Дашковым, мужем Е. Р. Даш-

ковой. Письмо И. И. Бецкого к Екатерине, датированное предположительно декабрем 1762 г., свидетельствует об их довольно близких отношениях, оно написано в легком, свободном стиле и наполнено изящными изъявлениями преданности и симпатии к молодой императрице. «Я сто раз перечислял Вам у Вас в комнате все качества, которые я у Вас заметил, при чем Вы всегда мне отвечали: Ей Богу, мой генерал, мне кажется, вы в меня влюблены». <...> Все минуты моей жизни посвящены служению самой обожаемой из всех государынь и, как Вы изволите угадывать сами, должны быть для меня чрезвычайно приятны»⁹, — писал И. И. Бецкой. В начале 1763 г. он находился в Москве. 30 января императрица приезжала в дом И. И. Бецкого. Это был явный знак благоволения, тем более что его московский дом не представлял собой ничего примечательного. После того, как большая часть Твери 12 мая 1763 г. была уничтожена пожаром, И. И. Бецкой получил приказ Екатерины рассмотреть планы восстановления города, и представил на суд императрицы собственное мнение, показывавшее, что в заграничном путешествии он глубоко изучил и вопросы городского благоустройства¹⁰.

Примерно тогда же, 10 июня 1763 г., И. И. Бецкой в Москве представил Екатерине доклад об учреждении в этом городе императорского воспитательного дома и «Генеральный план воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родильниц в Москве». Чрезвычайно интересно было бы выяснить степень участия Екатерины II в подготовке проекта «Генерального плана», как и других проектов И. И. Бецкого, однако источниковая база не позволяет определенно и полно осветить столь важный вопрос. По мнению П. М. Майкова, для этого следовало бы сравнить окончательный вариант плана с черновым, а также изучить деловую переписку по поводу проекта, однако ни черновики, ни делопроизводственные документы не обнаружены. Биограф И. И. Бецкого полагал, что они бесследно утеряны вместе с прочими бумагами главного попечителя после его кончины¹¹. Остается только сравнивать положения плана с идеями, высказанными в сочинениях императрицы.

В свое время А. С. Лаппо-Данилевский заявил, что многие тексты в проектах могли принадлежать Екатерине. При этом он ссылался на «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоюбого пола» (1764), в котором И. И. Бецкой прямо отметил, что постарался тщательно «изобразить точно от слова до слова все данные мне изустно повеления и высокие мысли августейшей моей монархини»¹². Ученый обратил внимание, что дальнейший текст законодательного акта почти до конца заключен в кавычки и, следовательно, представляет собой большую цитату из рассуждений императрицы. Это подтверждал и сам И. И. Бецкой в другом докладе¹³. Возможно, «Генеральное учреждение» и является плодом совместных рассуждений Екатерины и ее сподвижника, но это не доказывает, что план воспитательного дома и другие конкретные проекты И. И. Бецкого также являются просто записью «высоких мыслей» императрицы, — подобные цитаты в них отсутствуют. Сам же А. С. Лаппо-Данилевский отмечал, что в других случаях Екатерина просматривала проекты И. И. Бецкого и исправляла их, но рукописей с ее правкой он не видел.

Подготовленный императрицей в те же годы «Наказ, данный комиссии о составлении нового Уложения» не повторяет, но дополняет и уточняет сочиненные И. И. Бецким проекты. В разделе о воспитании она утверждает, что «невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах»¹⁴ и потому полезно установить несколько общих правил для родителей. Всех детей следовало учить «страху Божию» и любви к Отечеству, воздерживаться при них от дурных поступков, запрещать детям и их воспитателям лгать, приучать к трудолюбию и пристойному поведению, к чистоте и опрятности. Таким образом, в «Наказе» содержится квинтэссенция общих правил воспитания со слабо-выраженной просветительской составляющей.

Разработанная философией и педагогикой Просвещения мысль о приоритетной роли воспитания в формировании личности была близка как И. И. Бецкому, так и Екатерине. В 1763 г. эта идея, очевидно, еще не проявилась в четких, определенных формах. В «Предупреждении» к плану И. И. Бецкой писал: «Без сомнения справедливо всего света общее мнение, что доброе или худое состояние нравов каждого человека, во всю его жизнь, зависит от первого его доброго или худого воспитания», в соответствии с чем он и собирался прививать питомцам «прилежание и трудолюбие» и не допускать того, чтобы они «возрастали б в праздности и невежестве».

«Генеральный план» 1763 г. имел сложный характер, и три из пяти входивших в него документа — манифест Екатерины, доклад и «Предупреждение» И. И. Бецкого — содержали элементы диалога между ним и императрицей. Именно эти документы позволяют выяснить, как определяли И. И. Бецкой и утвердившая план императрица причины учреждения воспитательного дома. В манифесте Екатерина утверждала, что «призрение бедным и забота о умножении полезных обществу жителей суть две верховные должности и добродетели каждого боголюбив-

вого владельца». Действительно, согласно рационалистическим и просветительным идеям, процветание государства связывалось с ростом численности его населения. Эту точку зрения разделяли как европейские философы, так и русские мыслители, а вслед за ними и Екатерина. В своем докладе ей вторил и И. И. Бецкой: «Коликого скипетр Ваш ежегодно числа подданных таким образом [из-за гибели младенцев. — Т. Ф.] лишается, которые по надлежащем воспитании и по разным своим способностям могли б быть годными и полезными членами общества». Таким образом, императрица преследовала, в первую очередь, политические цели, о чем прекрасно знал и ее сподвижник.

Екатерина заявляла, что всегда питала названные выше добродетели в своем сердце и потому «восхотела» подтвердить проект И. И. Бецкого. Она определила дому «быть государственным учреждением» и повелела всем «местам правлений нашей империи» почитать его права и преимущества «гражданским узаконением» и высказала надежду, что доброму примеру последуют ее преемники и все подданные, которые «потщатся снабдевать боголюбивым подаянием» строительство и содержание дома.

Несмотря на отсутствие статистических данных, считалось, что брошенных детей, в первую очередь, рожденных вне брака, в России очень много, и большая часть из них погибает. В докладе 1763 г. И. И. Бецкой писал: «Но сколь ни велико в здешнем пространном городе число быть может для бедности отринутых, и разными образы на удачу оставленных детей; однако то бесспорно, что несравненно больше таких, которые, едва успев принять дыхание, лишаются оно в тайне от немилосердых своих родительниц и их бесчеловечных помощников, или помощниц; между тем однако ж такого беззакония и убийства предостеречь и страхом наказания отвратить не можно». На нескольких страницах доклада и «Предуведомления» к плану неоднократно повторяется мысль о том, что необходимо спасти умерщвляемых матерями младенцев, утверждается, что государство «толь многими убийственными беззакониями отягощается», выдвигается требование предотвратить «бесчисленное множество убийств, которые как над происшедшими уже на свет, так и над заключенными еще в матерней утробе младенцами бесчеловечно предпринимаются». Автор плана был убежден, что учреждением воспитательного дома «отвращены будут вдруг бесчисленные зверские злодеяния»¹⁵.

Американский историк Д. Рэнсел предпринял попытку выяснить, насколько серьезные основания имели утверждения И. И. Бецкого об убийствах большого числа внебрачных детей, и пришел к выводу, что автор доклада и плана отнюдь не преувеличивал масштабы трагедии¹⁶. Создание дома, согласно И. И. Бецкому, не только должно было предотвратить «бесчисленное множество убийств», но и предоставить «способ к доброму и полезному воспитанию сих бедствующих», а воспитание должно было со временем уменьшить «число шатающихся по всем улицам и бесстыдно нищенствующих молодых людей», которые обыкновенно, <...> жизнь свою потом от несчастного воспитания злочеловечно оканчивают». Автор доказывал, что работа дома выгодна для государства и общества с рациональной точки зрения: уменьшится преступность, а правильное воспитание увеличит число полезных граждан.

В самом начале доклада его автор просил Екатерину о милосердии, соболезновании и высокой помощи именем великого множества несчастнейших в роде человеческом, коих бедственное состояние от Вашего императорского величества всегда, да и от всего света по большей части скрыто бывает, и которые сами о своей бедности принести жалобы не в состоянии». Далее автор проекта определял, кто, по его мнению, особенно нуждается в защите со стороны государства. И. И. Бецкой имел в виду тех «невинных детей, которых злосчастные, а иногда и бесчеловечные матери покидают, оставляют (или, что злее) и умерщвляют, которые хотя от законного супружества, но в крайней скудости родясь, от родителей оставлены и слепому счастью преданы бывают, для того, чтоб от тягости воспитания их освободиться и самим удобнее пропитаться было». Итак, воспитательный дом предназначался в первую очередь для детей, рожденных вне брака, над жизнью которых нависала прямая угроза, как после появления на свет, так и в утробе матери. Однако И. И. Бецкой с самого начала не предполагал ограничиваться «сими несчастными детьми». Дом создавался для всех «невинных детей», лишившихся попечения родителей и родственников, о чем недвусмысленно сообщалось в докладе.

И. И. Бецкой просил, чтобы ему было дозволено учредить «дом для найденных и оставленных родителями детей» под протекцией императрицы, а также убеждал верить ему дальнейшее попечительство о новом воспитательном заведении, с чем императрица и согласилась. Кроме денежных сумм, выделенных Екатериной для будущего воспитательного дома, по его мнению, следовало передать для размещения дома Гранатный двор с Васильевским садом на берегу Москва-реки, а также обеспечить «потребное число караулу <...> от воинской команды».

Изучавшие план по заданию императрицы и поддерживавшие его тайные советники и будущие почетные благотворители — князь Я. П. Шаховской, Н. И. Панин и граф Э. Миних — заявили, что при начале работы всякого нового «и никогда не бывалого учреждения» невозможно продумать заранее «все установленные обряды», потому его руководитель должен иметь «пристойную свободу». Они предложили Екатерине «пожаловать на время основания и приведения в действие всего учреждения, из особой монаршей доверенности первого попечителя, яко всему состроителя, такую власть, чтоб он мог собою и без Опекунского совета, к лучшему и способнейшему производству исправлять и переменять по своему благоизобретению во внутренних обрядах воспитания и домоводства того дома; дабы без дальнейших трудностей и помешательства он мог дать всему доброе и твердое основание»¹⁷. Это предложение императрица также поддержала.

В «Предуведомлении» к «Генеральному плану» И. И. Бецкой остановился на вопросах, которые, по-видимому, волновали его в тот момент больше всего. Во-первых, он представил на суд императрицы и других читателей краткое рассуждение о системе управления домом. По его мнению, первую роль должен был играть главный надзиратель, которому предполагалось вручить единоличную власть — человек непременно «несколько в летах и женатой». Жизненному опыту И. И. Бецкой придавал первостепенное значение. «Холостой и притом молодой» человек, был убежден он, не сможет поддерживать установленный порядок. Первым помощником главного надзирателя становился эконо. Всех служащих предполагалось снабдить подробной инструкцией.

Во-вторых, в «Предуведомление» вошли рассуждения о том, как следует вскармливать принесенных младенцев. Автор проанализировал разные точки зрения по этой проблеме и показал себя решительным сторонником грудного вскармливания.

В-третьих, он кратко осветил некоторые направления воспитания будущих питомцев. Важнейшим из них он считал «приваживание с молодых лет к трудолюбию» и профессиональное обучение подростков «мастерствам». Детям, имевшим «острые умы», предполагалось преподавать «высшие науки и художества». Весьма эмоционально И. И. Бецкой настаивал на необходимости воспитания и образования как мальчиков, так и девочек: «Пренебрежение оно не меньше было бы несправедливо, сколь и неблагоприятно и вредно». Женской половиной воспитанников и служащих должна была руководить главная надзирательница, замужняя женщина или вдова, которая бы «своим примером и властью девушек лучше к добродетели приводить могла». Столь же энергично И. И. Бецкой выступал и против жестоких наказаний как лучшего способа к исправлению.

В-четвертых, он доказывал, что первоначальные затраты на воспитательный дом непременно окупятся, а собранных средств может хватить на воспитание и обучение бедных детей из разных сословий, что доказывает пример европейских государств, в которых благотворительными учреждениями занимаются самые знатные и богатые люди. В России же следует ожидать, что по примеру императрицы «все без различия, как духовные, так и светские чины единодушно и по сущей христианской должности подавать будут руку помощи невинным сим тварям». В самом деле, новое воспитательное учреждение предполагалось создать без учета отечественных наработок, по примеру тех заведений, которые автор плана видел в Голландии, Франции, Италии и других странах. Таким образом, в-пятых, главный попечитель основывал свои утверждения на зарубежных впечатлениях и рассчитывал на неограниченную поддержку Екатерины.

«Предуведомление», обращенное к августейшей «любезной читательнице», было написано с полемическим задором и содержало отсылки к европейскому опыту. Скорее всего, оно стало результатом дискуссий с теми, кому план был отдан на отзыв. «Предуведомление» позволяет нам увидеть, что было дороже всего автору, что, по его мнению, нуждалось в защите и что вполне разделяла Екатерина: это система управления домом, проблема естественного и искусственного вскармливания младенцев, просветительские методы воспитания, общественная составляющая в содержании дома, особая роль монарха в организации нового учреждения.

Текст «Генерального плана» 1763 г. был поделен на шесть глав. В них определялся штат «начальников и служителей воспитательного дома», излагались правила приема, содержания и повседневной жизни детей, основанные на педагогических идеях Просвещения. Важная часть плана посвящалась финансовой стороне работы благотворительного учреждения и привилегиям воспитательного дома.

21 апреля 1764 г., в день, когда Екатерине исполнилось 35 лет, Московский воспитательный дом начал прием детей — подобные подарки императрица любила получать, или, может быть, точнее, дарить себе в день рождения.

Итак, будущая императрица и И. И. Бецкой познакомились сразу после прибытия юной принцессы в Россию. Вскоре после восшествия Екатерины II на престол И. И. Бецкой стал ее главным помощником по вопросам просвещения и общественного призрения. Первым итогом их совместной работы явился «Генеральный план» воспитательного дома, по которому в России появилось учебно-воспитательное учреждение нового типа и были заложены основы светской благотворительности.

Примечания

1. Цит. по: *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 2004. С. 19.
2. Архив кн. Воронцова. Кн. 33. М., 1887. С. 92.
3. *Екатерина II.* Записки. СПб., 1907. С. 389–390; *Майков П. М.* И. И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 24; *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 125.
4. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 62–66.
5. *Дашкова Е. Р.* Записки кн. Дашковой. СПб., 1907. С. 67–68.
6. *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2. С. 162.
7. Цит. по: *Майков П. М.* Указ. соч. С. 68.
8. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 69–70.
9. Письма И. И. Бецкого к императрице Екатерине Второй // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 383–384.
10. Там же. С. 70–71.
11. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 112.
12. ПСЗ. Т. 16. № 12103.
13. *Лаппо-Данилевский А. С.* И. И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904. С. 44–45.
14. ПСЗ. Т. 18. № 12949. Гл. 14.
15. Там же. Т. 16. № 11908.
16. *Ransel D.* Mothers of Misery. Child abandonment in Russia. Princeton, 1988. P. 8–30.
17. ПСЗ. Т. 16. № 11908.